ОГЛАВЛЕНИЕ

1 апреля 1887 года, пятница
ВСЕ КОНЧЕНО 5

12 апреля 1887 года, вторник
ВСЕ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ 12

13 апреля 1887 года, среда
БОРДОВОЕ ПЯТНО 20

14 апреля 1887 года, четверг
НА ФОНЕ РОЗ 44

15 апреля 1887 года, пятница
ПРОИСШЕСТВИЕ 51

16 апреля 1887 года, суббота
СЫЩИК ИЗ СКОТЛЕНД-ЯРДА 73

17 апреля 1887 года, воскресенье
ДЕНЬ, НАСЫЩЕННЫЙ СОБЫТИЯМИ 105

18 апреля 1887 года, понедельник
ЗОНТ СЭРА ТОБИАСА 150

19 апреля 1887 года, вторник
НОВЫЙ ПОСТОЯЛЕЦ 195
20 апреля 1887 года, среда
ФОТОГРАФИЯ КРАСНОГО ДОМА..... 263
21 апреля 1887 года, четверг
ВСЕ МОГУТ БЫТЬ СВОБОДНЫ..... 296
30 апреля 1887 года, суббота
СНОВА В ЛОНДОНЕ 302

1 апреля 1887 года, пятница

ВСЕ КОНЧЕНО

Серая мутная облачность с утра затянула лондонское небо. К полудню начался мелкий моросящий дождь; он обещал стать затяжным и сдержал обещание. В столь неблагоприятных погодных условиях элегантная Гросвенор-стрит словно бы поблекла, и даже яркий, нарядный дом неподалеку от площади — из красного кирпича, с выкрашенными в белый цвет оконными переплетами и входом в виде портика с двумя колоннами — выглядел уныло.

Сэр Уильям Кроуфорд, высокий худощавый джентльмен шестидесяти пяти лет, вышел из омнибуса, раскрыл зонт и зашагал по тротуару, старательно огибая лужи и одновременно уворачиваясь от брызг, летевших из-под колес грохотавших по мостовой повозок и экипажей.

Пройдя несколько десятков шагов, он вступил под крышу портика, аккуратно сложил зонт, отпер дверь и переступил порог. Как обычно, это произошло в шесть часов пополудни. Необычным было то, что встречавшему его слуге он показался не то чтобы немного возбужденным — этого сэр Уильям никогда себе не позволял, — а, скажем так, в приподнятом настроении.

— Чудесный денек, не правда ли, Миллер? — бодро спросил сэр Уильям.

Миллер — дворецкий, он же камердинер — принял у хозяина зонт, портфель, пальто и цилиндр. Сегодняшний день вовсе не казался ему чудесным, однако он механически согласился:

— Без всякого сомнения, сэр.

Немного позже, придя на кухню выкурить трубочку, дворецкий меланхолично сказал своей жене, которая служила в доме кухаркой и экономкой:

— Наш-то пришел довольный, дальше некуда. Наверно, опять упрятал за решетку парочку душегубов.

— И правильно сделал, — отозвалась его дражайшая половина, перемешивая тесто; делала она это с таким усердием и даже яростью, словно хотела его уничтожить. — Человек трудится, приносит пользу обществу. В отличие от тебя, Миллер, он вовсе не старый бездельник.

— Старый? — оскорбился супруг. — Да я младше его на три года!

— Как я понимаю, слово «бездельник» ты пропустил мимо ушей. Слушай-ка, Миллер: чем торчать тут, мозолить мне глаза и дымить, ты бы лучше задал взбучку этому твоему лентяю Джону. Он все утро любезничал с горничной и, конечно, не вычистил каминные решетки. Почему *я одна* должна следить за порядком в этом доме?

Слуга неохотно погасил трубку и поплелся разыскивать нерадивого Джона, который был их с миссис Миллер единственным сыном.

Между тем их хозяин прохаживался взад-вперед по своему кабинету, то и дело чему-то улыбаясь и потирая руки. Обстановка этой комнаты соответствовала строгому вкусу владельца: ничего лишнего или помпезного — обшитые дубовыми панелями стены, высокие книжные шкафы по обеим сторонам от камина, солидный письменный стол, два чиппендейловских[1] кресла, элегантные газовые светильники. Идеальный порядок сейчас

[1] Томас Чиппендейл (Thomas Chippendale) — крупнейший мастер английского мебельного искусства XVIII века. Стиль чиппендейл отличается сочетанием прочности, рациональности и строгого изящества.

нарушал раскрытый кожаный портфель, довольно небрежно брошенный на диван: из него высовывались неуместно яркие брошюры.

Сэр Уильям остановился возле невычищенного камина и тихонько промычал триумфальный марш из «Аиды», отстукивая такт пальцами по мраморной полке, где с равными интервалами были расставлены фотографии в рамках попеременно со статуэтками в греческом стиле. Затем решительно направился к двери.

Через минуту он появился на пороге комнаты своей племянницы. Это помещение тоже считалось кабинетом, но выглядело более светлым и уютным благодаря бледно-желтым обоям в мелкий цветочек и обилию милых безделушек. Стены украшали акварели, выполненные обитательницей — кудрявой зеленоглазой особой восемнадцати лет по имени Патрисия.

Сэр Уильям радостно объявил:

— Все кончено!

Племянница не сразу повернула к нему голову. Она сидела за обширным письменным столом, значительная часть поверхности которого была занята раскрытыми книгами, стопками нарезанной бумаги и коробками с красками и карандашами. На свободном пространстве перед девушкой лежал незаконченный рисунок, а в руке она держала кисточку.

— Пожалуйста, дядя, — рассеянно отозвалась Патрисия, — подожди секунду. Не могу оторваться — тушь засохнет...

Закончив, она поболтала кисточку в банке с водой, отложила ее в сторону и обернулась:

— Извини, что ты сказал?

— Все кончено! — повторил сэр Уильям на той же ноте.

Патрисия недоверчиво прищурилась:

— Знаешь, дядюшка, за долгие годы нашей совместной жизни я, конечно, привыкла к твоей своеобразной манере шутить. К тому же сегодня первое апреля. Но не мог бы ты все же объяснить: чему ты так радуешься? Тогда, может быть, я тоже порадуюсь.

Сэр Уильям неторопливо прошел к дивану, усыпанному разноцветными подушками, и расположился на нем в расслабленной позе, закинув ногу на ногу. Он прямо-таки лучился. Девушка молча, но с интересом ждала.

— Все кончено, — в третий раз произнес пожилой джентльмен так, будто эти слова доставляли ему какое-то особенное удовольствие. Он широко улыбнулся: — И все только начинается!

— Я почти обрадовалась, — сказала Патрисия. — Хотя все еще ничего не понимаю.

— Я вышел на пенсию.

Девушка на минуту замерла в изумлении, а потом вскочила и бросилась к дяде, уселась рядом с ним на диван, и они обнялись.

— Наконец-то ты решился! — в восторге воскликнула Патрисия, прижимаясь к нему. — Теперь ты больше не будешь ходить в этот жуткий Олд-Бейли[2], не будешь смотреть на эти жуткие лица, слушать эти жуткие подробности!

— Ты права, — согласился сэр Уильям, целуя ее в пушистую макушку. — Неделю назад я вдруг осознал, что мне наскучило целые дни проводить в душных судебных залах и решать, кто прав, а кто виноват.

— Ты наконец-то начнешь питаться как положено, много гулять, а в остальное время сидеть у камина с книгой и зачитывать мне вслух самые удачные места!

— Чудесная перспектива! Но, честно говоря, мои ближайшие планы несколько другие.

— Какие же? — спросила племянница, нежно поправляя дядюшкин галстук и поглаживая его седые бакенбарды.

— Я всю жизнь прожил в Лондоне, не бывал нигде дальше Оксфорда. Так что теперь я хочу попутешествовать.

— О, собираешься в Новую Зеландию?

---

[2] Олд-Бейли (Old Bailey) — традиционное название центрального уголовного суда Англии и Уэльса.

— Почти. Это будет зависеть от твоего расписания в школе Слейда[3]. У тебя ведь еще не кончились каникулы?

— Осталось чуть больше трех недель, — сообщила девушка, и на ее подвижном лице появились озабоченность и досада: — А я еще не выполнила задание по рисунку и живописи: наброски людей и пейзажи. С набросками я еще кое-как справилась, хотя выбор у меня был невелик: нарисовала штук десять Миллеров, парочку Джонов и Молли и одну миссис Миллер. Но пейзажи!.. Я просто не знаю, что делать. Предполагалось, что можно будет заняться этюдами в окрестностях Лондона. Но погода не позволяла не то что писать, но даже разглядеть хоть что-нибудь! Вот если бы мы с тобой жили в каком-нибудь более теплом и солнечном месте...

— Это совпадает с моими планами, — произнес сэр Уильям с довольной улыбкой. — Не хочешь ли ты писать *морские* пейзажи?

— Что ты имеешь в виду?

— Как ты посмотришь на то, чтобы нам с тобой махнуть к морю, хотя бы дней на десять?

---

[3] Школа Слейда (Slade School of Fine Art) — школа изящных искусств при Университетском колледже Лондона (University College London), основана в 1871 году на средства английского юриста и филантропа Феликса Слейда. Одно из первых высших учебных заведений Великобритании, где студенты мужского и женского пола обучались совместно.

— Дядя! — ахнула Патрисия. — Это было бы просто чудесно!

— Собственно, я уже побывал в агентстве Кука[4], и мне есть что тебе показать. Это в моем кабинете.

[4] Томас Кук (Thomas Cook) — британский предприниматель. Изобрел организованный туризм, в 1841 году открыл первое в истории туристическое агентство Thomas Cook Group.

12 апреля 1887 года, вторник

ВСЕ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

Вот так и получилось, что сразу после пасхальных дней сэр Уильям и его племянница уже садились в коляску в Борнмуте[5]. Едва они успели немного отъехать от вокзала, как убедились, что попали в совершенно другой мир: хотя до жарких дней было еще далеко, яркое солнце заставляло жмуриться, на неправдоподобно голубом небе лишь кое-где виднелись полупрозрачные облачка, легкий свежий ветер приносил запах моря и сосен.

Гостиница «Голова оленя» находилась почти на самой вершине холма, покрытого нежной весенней зеленью. Это было скромных размеров двухэтажное здание; стены из серого камня ожив-

[5] Борнмут (Bournemouth) — город на южном побережье Англии на берегу пролива Ла-Манш, приобрел популярность как курорт к середине XIX века.

ляли витражные окна на первом этаже. С одной стороны к гостинице примыкала небольшая — в два окна — пристройка, а с другой — терраса, огороженная балюстрадой с пузатыми столбиками. Войдя внутрь, Патрисия принялась с любопытством оглядываться. Она не успела рассмотреть все в подробностях, так как навстречу им с дядей уже спешил хозяин, мистер Уолтон, лет тридцати, вертлявый, с щегольскими усиками, закрученными двумя полумесяцами над счастливой улыбкой. Пока коридорный разбирался с багажом, он тарахтел, сопровождая речь выразительной жестикуляцией:

— Уверен, вам у нас понравится! Наша гостиница небольшая — всего десять апартаментов. Все комнаты светлые и очень уютные. В хорошую погоду мы подаем завтрак на открытой террасе, откуда вы сможете любоваться великолепным видом на море. Если гости изъявляют желание, по предварительному заказу мы готовим также ланч и обед. Конечно, можно поесть и где-нибудь в городе — здесь в достаточном количестве имеются милые ресторанчики. Но, уверяю вас, — Уолтон приложил руку к сердцу, — вы оцените нашу собственную кухню, мы все готовим только из самых свежих местных продуктов. Позади дома — наш собственный сад, он довольно большой, с уютной беседкой. До моря можно добраться по лестнице в скале — это самый короткий путь. Правда,

лестница довольно крутая, так что, возможно, вы предпочтете пойти в обход, по более пологому спуску. Но даже в этом случае дорога займет у вас не более пятнадцати минут. Наш город очень красив: прекрасные сады и парки, сосновые аллеи, золотые пляжи длиной в несколько миль, а совсем неподалеку — старинный замок...

Казалось, он вот-вот возложит все эти достопримечательности к ногам новых гостей.

— Благодарю вас, — любезно отозвался сэр Уильям, когда они с Патрисией поставили свои подписи в журнале регистрации постояльцев. — Именно по всем этим причинам я и выбрал вашу гостиницу, когда изучал рекламные проспекты в туристическом агентстве.

— Вы не будете разочарованы, сэр! — заверил Уолтон и, помявшись, добавил извиняющимся тоном: — Боюсь только, юной леди будет не хватать общества ее ровесников. Видите ли, обычно нас выбирают люди... э-э-э... более солидного возраста, так как у нас всегда очень спокойно и тихо.

Из угла холла послышалось фырканье: этот звук исходил от пожилой дамы монументального телосложения. Маленькие, близко посаженные глазки недобро сверкали на пухлом лице, над презрительно поджатыми тонкими губами выдавался вперед нос, длинный и острый, как корабельный бушприт. Раздался низкий голос:

— Спокойно и тихо! Так мог говорить *ваш отец,* мистер Уолтон, но не вы! Его счастье, что он не видит, что вы сотворили с его детищем!

— Вам что-нибудь угодно, миледи? — спросил хозяин с зарождающимся отчаянием в голосе.

— Ничего! — отрезала дама. — Идем гулять, Реджи!

Откуда-то из недр ее многослойного одеяния вынырнула мохнатая голова йоркширского терьера, украшенная бантом. Увидев вновь прибывших, он огласил холл тоненьким, но сердитым лаем. Дама поднялась — в полный рост ее фигура выглядела еще более внушительно — и, прижимая собачку к своей пышной груди, величественно поплыла к выходу. В дверях она чуть не снесла низенького благообразного старичка с зонтиком-тростью. Тот покачнулся и приветственно приподнял шляпу, но леди миновала его, не заметив. Терьер, однако, не оставил старичка без внимания и вновь пронзительно залаял.

— Забавно! Ты когда-нибудь замечала, дорогая, — негромко сказал сэр Уильям своей племяннице, — что частота и громкость лая у собак обратно пропорциональны их размеру?

Мистер Уолтон, с облегчением глядя вслед уходящей даме, сообщил:

— Леди Кларк — наша самая давнишняя и, можно сказать, почетная гостья. Она останавливается

в «Голове оленя» уже двадцать лет, первые пятнадцать — вместе с мужем.

— Представляю, как ему приходилось нелегко, — хмыкнул сэр Уильям.

— Что, простите?

— Волевая женщина. Это сразу видно.

— О да, безусловно! Простите, вы, наверно, хотите подняться в ваши комнаты и отдохнуть с дороги? Ваш багаж уже на месте. Если нужно, позовите горничную, она поможет распаковать вещи.

— Весьма вам признательны. Идем, Пат.

Провожаемые напутствиями хозяина, сэр Уильям с Патрисией отошли от конторки. У лестницы их весьма шустро нагнал низенький старичок.

— Прошу прощения, — проговорил он с сияющей улыбкой на румяном лице, — здесь, на курорте, мы обходимся без лишних церемоний. Я Тобиас Ховард, — он хихикнул, — тоже одна из старинных достопримечательностей здешних мест.

— Уильям Кроуфорд, — представился пожилой джентльмен, с живым интересом разглядывая нового знакомого. — А это моя племянница Патрисия.

— Постойте-ка... Вы судья Кроуфорд? Уголовные дела: убийства, грабежи и прочее... Я видел ваши фотографии в газетах. Чрезвычайно рад знакомству, сэр!

— Благодарю, мне тоже очень приятно. Только судебные процессы у меня теперь в прошлом — я вышел на пенсию.